

АЛЕКС СКАЙ

ИЗМЕНА

МИЛЛИАРДЕР КУПИТ
МОЙ РАЗВОД

Алекс Скай

**Измена. Миллиардер
купит мой развод**

«Автор»

2026

Скай А.

Измена. Миллиардер купит мой развод / А. Скай — «Автор»,
2026

Я приехала на юбилей компании мужа, думая, что сегодня он объявит о нашем новом семейном проекте. Вместо этого я услышала за закрытой дверью его разговор с любовницей. Кирилл женился на мне не из любви. Ему нужна была моя фамилия, наследство отца и доступ к семейному бизнесу. А потом он вывел другую женщину на сцену и назвал её будущим компании. Я должна была промолчать. Улыбнуться. Сохранить лицо семьи. Но в тот вечер ко мне подошёл Максим Северин — миллиардер, главный враг моего мужа — и предложил сделку: он поможет мне получить развод, защитит наследство и вернуть всё, что Кирилл пытался отнять. Цена? Стать его невестой на три месяца. Только Максим не знает, что я больше не хочу быть чьей-то удобной женой, чужой фигурой в войне или женщиной, которую можно купить. А Кирилл ещё не понял: если жена перестала молчать, развод может стоить ему всего.

© Скай А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Голос за закрытой дверью	5
Глава 2. Цена моей свободы	16
Глава 3. Муж, который не отпускает	32
Г	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Измена. Миллиардер купит мой развод

Глава 1. Голос за закрытой дверью

Я узнала об измене мужа за семь минут до того, как он вышел на сцену и назвал другую женщину будущим нашей семьи.

Семь минут — смешной срок, если подумать. За это время не успеваешь прожить горе, не успеваешь разлюбить, не успеваешь даже по-настоящему понять, что земля под ногами уже не твоя. Можно только стоять за чужой дверью, прижимая к груди маленькую бархатную коробочку с запонками, которые выбирала три дня, и слушать, как мужчина, чью фамилию ты носишь, смеётся в полголоса.

Так смеются не с деловыми партнёрами.

Так смеются с женщиной, которую держали в тайне слишком долго и наконец решили вывести на свет.

— Кирилл, ну хватит, — протянула она за дверью. Голос был мягкий, ленивый, красивый. Я знала этот голос. В последнее время он слишком часто звучал в офисе рядом с кабинетом мужа. — Ты же обещал, что сегодня всё закончится.

Я замерла в двух шагах от двери переговорной.

На юбилей компании было шумно: в большом зале играла музыка, официанты скользили между гостями с бокалами, вспыхивали камеры, кто-то поздравлял друг друга с десятилетием «Соколова Групп». Десять лет с того дня, как мой отец поставил первую подпись под документами компании, которую потом передал мне, а я, наивная и влюблённая, позволила мужу назвать нашим общим делом.

Я приехала сюда уверенная, что сегодня Кирилл объявит новый семейный проект.

Он сам сказал мне утром:

«Алиса, вечером будь особенно красивой. Это важный день для нас обоих».

Я подумала — для нас. Для меня и него. Для семьи.

Теперь стояла в коридоре за закрытой дверью и понимала: в этой фразе просто не было меня.

— Сегодня ничего не закончится, Вероника, — ответил Кирилл. Его голос был спокойным, чуть насмешливым. Тот самый тон, которым он говорил с людьми, когда уже принял решение и позволял остальным только смириться. — Сегодня всё только начнётся.

Вероника.

Я медленно опустила взгляд на свои пальцы. На правой руке блестело обручальное кольцо, тонкое, дорогое, выбранное когда-то Кириллом с идеальной точностью. Он всегда умел выбирать вещи так, чтобы они говорили за него: статус, вкус, контроль. Даже кольцо на моём пальце казалось не обещанием, а знаком собственности.

— Ты опять тянешь, — сказала Вероника. — Алиса стоит в зале как хозяйка вечера. Все улыбаются ей, поздравляют её, вспоминают её отца. А я? Я снова должна прятаться?

Внутри меня что-то холодно сжалось.

Я сделала шаг ближе, хотя вся моя гордость кричала: уйди. Не слушай. Не превращайся в женщину, которая подслушивает у дверей собственного мужа.

Но другая часть меня, более честная, впервые за годы брака подняла голову и сказала: слушай до конца.

— Недолго осталось, — произнёс Кирилл. — После презентации совет подпишет новые назначения. Твоё имя появится в документах. Официально.

— А её?

Пауза была короткой, почти незаметной. Но я услышала в ней всё.

— Алиса останется тем, чем была всегда, — сказал он.

Я не дышала.

— И чем же? — с улыбкой спросила Вероника.

Кирилл усмехнулся.

— Красивой фамилией у входа. Удобной легендой. Дочерью основателя, которую все любят за воспоминания о прошлом. Люди сентиментальны, Вероника. Им приятно думать, что компания всё ещё семейная. Пусть думают.

Мои пальцы сжались на бархатной коробочке так сильно, что острые углы впились в ладонь.

Красивой фамилией.

Удобной легендой.

Я вспомнила, как отец за год до ухода из жизни посадил меня напротив себя в своём кабинете — ещё старом, с деревянными панелями и фотографиями первых объектов на стенах. Он долго смотрел на меня поверх очков, а потом сказал:

«Алиса, бизнес нельзя отдавать человеку только потому, что ты его любишь. Любовь — это одно. Подпись — другое».

Я тогда рассмеялась, обняла его за плечи и ответила, что Кирилл не такой.

Как же уверенно я говорила эти слова.

Как же дорого они мне обошлись.

— Ты женился на ней ради компании, — сказала Вероника уже тише. — Я понимаю. Но сколько можно делать вид, что она тебе нужна?

— Нужна, — спокойно ответил Кирилл. — Пока бумаги не закончены. Пока старые партнёры её отца голосуют так, как мне выгодно. Пока её подпись открывает двери, которые передо мной без неё закрывались.

Мне показалось, что коридор стал уже. Стены приблизились, воздух сделался плотным, блестящие бра на стенах расплылись перед глазами.

Не любовь. Не брак. Не семья.

Доступ.

Я была для него доступом.

К кабинетам, к людям, к наследию моего отца, к деньгам, к доверию, которое Кирилл не заслужил сам.

— А потом? — спросила Вероника.

Кирилл ответил не сразу. Я услышала шаги, шорох ткани, словно он подошёл к ней ближе.

— Потом она получит красивый развод и возможность жить спокойно. Если не будет глупой.

Вероника негромко рассмеялась.

— Алиса? Глупой? Она же у тебя идеальная жена. Смотрит так, будто ты для неё солнце.

Я зажмурилась.

Я не хотела вспоминать, как смотрела на него. Не хотела видеть себя со стороны: в дорогом платье, с безупречной укладкой, с улыбкой женщины, которая верит, что её брак выдержал усталость, отдаление, поздние возвращения мужа, короткие ответы, чужие духи на пиджаке и эти вечные «деловые ужины».

Я ведь не была слепой.

Просто я слишком долго выбирала объяснения, в которых мне не приходилось рушить собственную жизнь.

— Она удобная, — сказал Кирилл. — Не путай это с идеальностью.

Удобная.

Вот этим словом он меня и убил.

Не изменой. Не Вероникой. Не расчётом.
Этим словом.

Я могла бы выдержать многое. Боль. Унижение. Даже тот факт, что мой муж любил другую или хотя бы хотел её. Но удобная — это значило, что он видел каждое моё молчание, каждую попытку сохранить лицо, каждое «я понимаю, ты устал», каждую ночь, когда я засыпала одна, и принимал это не за доверие. За слабость.

За разрешение пользоваться мной дальше.

В зале заиграли громче. Кто-то объявил в микрофон, что через несколько минут начнётся официальная часть. Гости зааплодировали.

Мне нужно было уйти.

Прямо сейчас.

Спокойно выпрямиться, пройти в дамскую комнату, привести лицо в порядок, снять кольцо, вызвать водителя и исчезнуть до того, как Кирилл заметит. Мне нужно было выиграть хотя бы достоинство, если всё остальное уже проиграно.

Я сделала шаг назад.

И в этот момент дверь открылась.

Вероника стояла передо мной в изумрудном платье, слишком смелом для делового вечера и слишком дорогом для простой сотрудницы. Тёмные волосы лежали на одном плече, губы были растянуты в улыбке, которая умерла не сразу. Сначала она увидела корбочку в моей руке. Потом кольцо. Потом моё лицо.

И только после этого поняла.

— Алиса, — сказала она.

Не испуганно.

Скорее досадливо.

Как будто я вошла не в свою жизнь, а в комнату без стука.

За её спиной стоял Кирилл.

Без пиджака, в идеально сидящей белой рубашке, с расстёгнутой верхней пуговицей. Красивый. Спокойный. Мой муж выглядел так, будто я застала его не за предательством, а за обычным разговором, который просто не предназначался для моих ушей.

Он не побледнел. Не отступил. Не сказал: «Ты всё не так поняла».

Возможно, именно это стало самым страшным.

Он не считал нужным спасти ложь.

— Алиса, — повторил он, и в его голосе прозвучала лёгкая усталость. — Ты давно стоишь?

Я посмотрела на него и вдруг поняла, что не знаю, как звучит мой собственный голос.

— Достаточно.

Вероника медленно скрестила руки на груди. Её взгляд скользнул по моему платью — серебристо-синему, с открытыми плечами, выбранному Кириллом. Сегодня утром он сам застегнул молнию на моей спине и поцеловал меня в шею. Сказал: «Ты будешь самой красивой».

Мне захотелось сорвать с себя это платье. Не потому, что оно было плохим. Потому что он видел меня в нём как часть декора.

— Нам нужно поговорить, — сказал Кирилл.

Я коротко усмехнулась. Получилось хрипло.

— Тебе удивительно быстро понадобился разговор.

— Не здесь.

— А где? — Я подняла на него глаза. — В переговорной? Там, где ты только что обсуждал, сколько ещё времени я останусь полезной?

Вероника вздохнула.

— Алиса, не нужно устраивать сцену.

Я повернулась к ней.

— Ты правда решила, что имеешь право произносить моё имя?

Её лицо дрогнуло. Но ненадолго.

— Я не враг тебе.

— Нет. Ты просто женщина, которая стояла рядом, пока мой муж считал мою жизнь активом.

Кирилл резко шагнул к нам.

— Хватит.

Одно слово.

Раньше его хватало. Я умела замолчать, потому что не любила публичные ссоры, не выносила повышенного тона, боялась выглядеть жалкой перед людьми. Кирилл знал это лучше всех. Он часто не спорил со мной. Просто говорил «хватит» — и я останавливалась.

Но сейчас что-то внутри меня уже не слушалось.

— Нет, — сказала я. — Не хватит.

Он посмотрел на меня внимательно. Впервые за вечер по-настоящему внимательно.

— Ты потрясена. Я понимаю.

— Ничего ты не понимаешь.

— Понимаю больше, чем тебе кажется. И именно поэтому предлагаю тебе сейчас взять себя в руки. В зале двести человек, Алиса. Партнёры. Пресса. Люди, которые уважали твоего отца. Ты же не хочешь, чтобы они запомнили этот вечер скандалом?

Вот он.

Не «прости».

Не «я виноват».

Не «я всё объясню».

Только репутация. Только зал. Только люди, которые смотрят.

Я медленно рассмеялась. В этот раз почти беззвучно.

— Даже сейчас ты угрожаешь мне моим же отцом.

— Я напоминаю тебе о последствиях.

— Для кого?

Кирилл чуть прищурился.

— Для всех.

— Нет, — сказала я. — Для тебя.

На его лице впервые появилось раздражение.

— Алиса, послушай меня внимательно. У нас сложный период. Да, я должен был поговорить с тобой раньше. Но сейчас не время принимать решения на эмоциях.

— Я не принимаю решение на эмоциях. Я просто наконец услышала факты.

— Факты можно трактовать по-разному.

— Ты женился на мне ради компании?

Он молчал.

Вероника отвела взгляд.

Этого хватило.

Я кивнула, будто он ответил.

— Спасибо.

Кирилл сделал ещё один шаг ко мне.

— Не делай глупостей.

— Опять это слово. Удобная. Глупая. Ты всегда так думал обо мне или только когда я перестала быть полезной?

Он понизил голос:

— Ты не представляешь, что потеряешь, если начнёшь войну.

Я посмотрела на его руку, протянутую ко мне, и впервые за долгое время не почувствовала ни тепла, ни привычки, ни желания поверить. Только холодную ясность.

— Я уже потеряла всё, что считала своим браком.

Он открыл рот, но из зала донёсся голос ведущего:

— Дамы и господа, прошу вас пройти ближе к сцене. Через минуту мы начинаем торжественную часть юбилейного вечера «Соколова Групп»!

Кирилл закрыл глаза на долю секунды. Когда открыл, передо мной снова стоял не муж, а председатель совета директоров. Человек, который за секунду умел надеть нужное выражение лица.

— Мы закончим этот разговор позже, — сказал он.

— Нет.

Он будто не услышал.

— Ты выйдешь со мной в зал. Улыбнёшься. Встанешь рядом. А завтра мы обсудим условия, на которых ты сможешь уйти красиво.

Уйти красиво.

Как будто я была не женой, а устаревшим логотипом, который нужно заменить без шума.

— Я не выйду с тобой.

Вероника чуть заметно улыбнулась. Кирилл заметил это тоже. Его челюсть напряглась.

— Выйдешь, — сказал он тихо. — Потому что, если ты сейчас останешься в коридоре, все начнут спрашивать, где ты. И тогда мне придётся объяснять. Я выберу объяснение, которое защитит компанию.

— То есть тебя.

— Наследие твоего отца, Алиса.

Он ударил точно.

Я вздрогнула, хотя старалась не показать. Упоминание отца всё ещё могло поставить меня на колени. Кирилл видел это. И пользовался.

На секунду мне захотелось сделать так, как он сказал. Выйти, улыбнуться, дожить до утра, а потом уже думать, как выбраться из этой грязной ловушки. Но в ту же секунду я услышала в памяти его голос за дверью: «Она удобная».

Нет.

Больше нет.

— Иди один, — сказала я.

Кирилл смотрел на меня несколько секунд. Потом медленно улыбнулся.

— Хорошо.

Слишком спокойно.

Это спокойствие мне не понравилось.

Он взял пиджак со спинки кресла, надел его, поправил манжеты и повернулся к Веронике.

— Идём.

Вероника подняла брови, будто не ожидала, что он сделает это так быстро.

— Сейчас?

— Сейчас.

Она скользнула мимо меня, оставив после себя тонкий цветочный аромат. На мгновение остановилась у моего плеча.

— Ты сама всё усложняешь, Алиса.

Я посмотрела на неё.

— Нет. Я просто перестала облегчать вам жизнь.

Вероника хотела ответить, но Кирилл уже взял её за руку.

Открыто.

Не прячась.

На моих глазах.

И повёл в зал.

Я осталась в коридоре одна с подарком в руке.

Бархатная коробочка казалась нелепой. Внутри лежали запонки с гравировкой: «К.С. Десять лет побед». Я заказала их заранее, потому что хотела подарить после выступления. Сказать, что горжусь. Что отец был бы рад видеть, как далеко мы продвинулись.

Как далеко они продвинулись по мне — вот что я должна была сказать.

Я открыла коробочку, посмотрела на блестящий металл и закрыла снова.

В зале зааплодировали.

Я не хотела идти туда. Всё во мне сопротивлялось. Но ещё сильнее я не хотела дать Кириллу право переписать этот вечер без меня. Если он собирался уничтожить мой брак публично, я должна была хотя бы увидеть, как именно.

Я выпрямилась, провела пальцами под глазами, проверяя, не размазалась ли тушь, и пошла на звук аплодисментов.

Большой зал отеля сиял так ярко, будто в нём не могло происходить ничего плохого. Люстры отражались в стеклянных стенах, золотые буквы «10 лет «Соколова Групп»» горели над сценой, на экранах сменялись фотографии объектов компании: первые стройки отца, деловые встречи, благотворительные проекты, презентации, награды.

На одном из снимков была я. Совсем молодая, в белой блузке, рядом с отцом. Он смотрел в камеру строго, а я смеялась, потому что за минуту до фото он сказал мне: «Не сутулься, Соколова. Ты не украшение, ты наследница».

Я остановилась у входа в зал.

На сцене стоял Кирилл.

Рядом с ним — Вероника.

Не на шаг позади, не в стороне. Рядом. Как равная.

Люди смотрели на них с лёгким удивлением. Я видела, как переглядываются старые партнёры отца, как вытягивают шеи журналисты, как одна из жён директоров прикрывает губы бокалом. Все чувствовали, что сейчас случится что-то не из программы.

Кирилл держал микрофон уверенно.

— Десять лет назад, — начал он, — эта компания родилась из смелости одного человека. Виктор Соколов умел видеть будущее там, где другие видели пустую землю и риски. Его дело стало нашим фундаментом.

Аплодисменты.

Я стояла в тени у колонны и слушала, как мой муж говорит об отце так, будто имел право на эту память.

— Сегодня «Соколова Групп» входит в новый этап, — продолжал Кирилл. — Мы расширяем совет, запускаем масштабное направление и привлекаем людей, способных вывести компанию на уровень, о котором раньше можно было только мечтать.

Вероника улыбнулась.

Я уже знала, что он скажет, но всё равно не была готова.

— Позвольте представить Веронику Орлову, — произнёс Кирилл. — Стратегического директора нового направления и человека, с которым я связываю будущее компании.

Пауза.

Она была почти незаметной, но я услышала, как зал её проглотил.

Будущее компании.

Не «профессионала». Не «сильного управленца». Не «нового члена команды».

Человека, с которым я связываю будущее.

Слова были подобраны слишком точно, чтобы быть случайностью.

Вероника взяла микрофон из его рук. Их пальцы соприкоснулись чуть дольше, чем следовало. Для всех остальных — мелочь. Для меня — подпись под приговором.

— Для меня большая честь, — сказала она, глядя в зал, — стать частью компании с такой историей. Я знаю, как много значит имя Соколовых для всех, кто находится здесь. И обещаю: мы сохраним лучшее, но больше не будем жить прошлым.

Не будем жить прошлым.

Я почувствовала, как несколько взглядов скользнули ко мне. Кто-то меня заметил. Кто-то уже понял больше, чем Кирилл хотел бы показать.

И вдруг мне стало почти спокойно.

Не потому, что боль ушла. Она никуда не делась. Она сидела под рёбрами тяжёлым осколком. Но поверх неё поднялось другое чувство. Осторожное, холодное, незнакомое.

Ярость без крика.

Вероника продолжала говорить о стратегии, рынках, новых стандартах. Красивые слова, выученные интонации. Она была уверена в себе. Наверное, имела право: за её спиной стоял мой муж, моя фамилия висела над сценой, а зал слушал её так, будто она уже заняла место, которое я сама ей уступила.

Но я ничего ей не уступала.

Я просто слишком поздно поняла, что мой дом давно перестали спрашивать, кого в него впускать.

Рядом со мной кто-то тихо произнёс:

— Жестоко.

Я повернула голову.

Незнакомый мужчина стоял в полутени между колонной и высоким столиком с нетронутыми бокалами. Высокий, в тёмном костюме без единой лишней детали. У него было лицо человека, который привык не добиваться внимания, а принимать его как должное. Чёткая линия скул, спокойный взгляд, чуть сжатые губы. Не красивый в мягком смысле. Опасно привлекательный. Такой мужчина не входил в комнату — он менял в ней расстановку сил.

Я видела его раньше.

Не лично. В деловой прессе. На обложках журналов, в рейтингах, в статьях, где его называли самым закрытым миллиардером строительного рынка.

Максим Северин.

Главный конкурент Кирилла.

Человек, о котором мой муж говорил редко, но всегда так, будто произносил имя врага.

— Что именно? — спросила я, хотя голос едва слушался.

Максим не смотрел на сцену. Он смотрел на меня.

— То, как он решил вас наказать за то, что вы услышали правду раньше времени.

Я напряглась.

— Вы всё видели?

— Достаточно.

— Тогда вам повезло больше, чем мне. Я бы предпочла не видеть.

Он чуть склонил голову.

— Нет. Вы бы предпочли узнать раньше.

Я хотела возмутиться. Сказать, что он не имеет права говорить со мной так, будто знает меня. Но слова застряли. Потому что он был прав.

Лучше страшная правда, чем уютная ложь, на которой кто-то строит своё будущее.

— Простите, — сказала я холодно. — Я не в настроении для светских разговоров.

— Это не светский разговор.

— А какой?

Максим перевёл взгляд на сцену.

Кирилл как раз снова взял микрофон. Он улыбался залу, уверенный, собранный, блестящий. Мужчину, которому аплодировали за победы, купленные чужим доверием.

— Деловой, — сказал Максим.

Я резко посмотрела на него.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно.

— У меня только что развалился брак, господин Северин.

— Нет, Алиса. Ваш брак развалился раньше. Только что вы это узнали.

Я сжала коробочку с запонками.

— Откуда вы знаете моё имя?

Он посмотрел на меня почти с удивлением.

— Ваша фамилия написана на стене.

Я проследила за его взглядом.

«Соколова Групп».

Впервые за годы это название показалось мне не гордостью, а вопросом: кто из нас всё ещё имеет право на него?

— Зачем вы здесь? — спросила я.

— Получил приглашение.

— От Кирилла?

В уголке его губ появилось что-то похожее на усмешку.

— Ваш муж любит демонстрировать победы. Иногда приглашает тех, кого хотел бы видеть побеждёнными.

— А вы?

— Я люблю смотреть, когда самоуверенные люди ошибаются.

На сцене снова раздались аплодисменты. Вероника кивнула залу, Кирилл положил ладонь ей на спину. Не интимно. Не слишком явно. Ровно настолько, чтобы те, кто умеет видеть, увидели.

Я отвернулась.

— Вы выбрали удачный вечер.

— Не я его выбрал.

— Тогда что вам нужно?

Максим некоторое время молчал. Он не торопился с ответом, будто взвешивал не слова, а мою способность выдержать ещё один удар.

— У вашего мужа есть слабое место, — сказал он наконец.

Я усмехнулась.

— Правда? Я думала, у него их нет. Только чужие.

— Есть. Он верит, что люди принадлежат ему, пока он держит их деньги, страхи или репутацию.

— Вы пришли сообщить мне это в качестве утешения?

— Я не умею утешать.

— Заметно.

Он не обиделся. Даже не изменился в лице.

— Но я умею покупать свободу там, где её удерживают незаконно.

Я медленно повернулась к нему всем корпусом.

— Вы сейчас предлагаете мне помощь?

— Нет.

— Тогда что?

— Возможность.

— Звучит хуже.

— Честнее.

Я посмотрела на него внимательнее.

В нём не было той липкой жалости, которой я боялась больше всего. Он не смотрел на меня как на обманутую жену, которую нужно срочно усадить, завернуть в плед и говорить мягким голосом. Он смотрел так, будто я всё ещё участник партии. Раненый, неподготовленный, загнанный в угол — но участник.

Это почему-то злило и спасало одновременно.

— Какая возможность? — спросила я.

Максим ответил не сразу. Сначала достал из внутреннего кармана визитную карточку. Чёрную, плотную, без лишнего блеска. Только имя, номер и логотип «Северин Капитал».

Я не взяла.

Он не стал протягивать настойчивее.

— Завтра ваш муж начнёт торговаться, — сказал Максим. — Сначала мягко. Потом грубо. Он будет давить на память вашего отца, на совет директоров, на прессу, на ваши подписи в документах. Он скажет, что развод ударит по компании. Потом скажет, что вы ничего не получите. Потом попытается убедить вас, что без него вы не справитесь.

Каждое слово попадало точно.

Слишком точно.

— Вы давно следите за моей семьёй?

— За вашим мужем.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Это должно избавить вас от иллюзии, что сегодняшнее предательство — случайность.

Я отвела взгляд.

В зале ведущий объявлял следующий блок вечера. На экранах включили видео о компании. Голос моего отца зазвучал из динамиков — запись давнего интервью. Я вздрогнула так сильно, что Максим заметил.

«Бизнес держится не на бетоне и стекле, — говорил отец с экрана. — Бизнес держится на доверии. Потерял доверие — потерял всё».

Я почти физически ощутила, как эти слова прошли через зал, через Кирилла, через Веронику, через меня.

Кирилл стоял под экраном и аплодировал вместе со всеми.

Ему хватило наглости аплодировать моему отцу.

Я сделала шаг вперёд, но Максим тихо сказал:

— Не сейчас.

Я резко обернулась.

— Не командуйте мной.

— Я не командую. Я предупреждаю. Если вы выйдете к нему сейчас, он превратит вашу боль в спектакль. Он в этом сильнее вас.

— Спасибо за веру в меня.

— Это не вопрос веры. Это вопрос подготовки.

Я хотела сказать, что мне плевать. Что я имею право подойти к мужу, при всех снять кольцо, бросить ему в лицо эту проклятую коробку и сказать всё, что думаю.

Но в глубине души я понимала: Максим прав.

Кирилл ждал этого. Не прямо сейчас, может быть. Но он уже подготовил для себя удобную роль. Спокойный муж. Потрясённая жена. Деловой вечер, испорченный женской слабостью. Он улыбнётся, уведёт меня под руки, а утром половина города будет обсуждать не его измену, а мою несдержанность.

Я знала правила этого мира.

Просто до сегодняшнего вечера верила, что мой муж играет со мной в одной команде.

— Почему вы мне это говорите? — спросила я. — Из благородства?

Максим посмотрел на сцену.

— Благородство плохо масштабируется.

Несмотря на всё, я почти улыбнулась.

— Какая очаровательная фраза.

— Зато честная.

— Тогда честно: вам что от меня нужно?

Он наконец снова посмотрел мне в глаза.

— Ваш развод.

Я молчала.

Он положил визитку на высокий столик между нами.

— И ваша подпись под тем, что вы больше не позволите Кириллу Соколову использовать вашу фамилию как щит.

— Вы хотите ударить по нему через меня.

— Да.

Ответ был мгновенным. Без попытки смягчить. Без красивой лжи.

И от этой честности мне стало ещё холоднее.

— Чем вы отличаетесь от него?

Впервые в его взгляде что-то дрогнуло. Не сильно, но я заметила. Будто вопрос попал туда, куда он не хотел никого пускать.

— Тем, что говорю вам цену до сделки.

— А если я не продаюсь?

— Я не покупаю вас.

— Правда? А звучит именно так.

Он сделал шаг ближе, но не настолько, чтобы нарушить границу. Максим умел держать расстояние. Возможно, это и было самым опасным: он не давил телом, голосом, жестом. Давили факты.

— Ваш муж слишком дорого оценил вашу покорность, — сказал он. — Я готов заплатить больше — за ваш развод.

Слова прозвучали негромко.

Но для меня зал исчез.

Музыка, гости, аплодисменты, голос ведущего, лицо Вероники на экране — всё ушло куда-то за стекло. Остались только я, визитка на столике и мужчина, который предложил купить не меня, а дверь из клетки, которую я сама слишком долго называла домом.

Я должна была возмутиться.

Должна была назвать его циником.

Должна была уйти.

Но вместо этого посмотрела на сцену, где Кирилл принимал поздравления, будто уже победил. Вероника стояла рядом с ним, сияющая, уверенная в своём новом месте. Люди подходили к ним, пожимали руки, улыбались. Кто-то уже искал глазами меня — жену, которую аккуратно вычеркнули из будущего компании, оставив фамилию на вывеске.

Я открыла бархатную коробочку.

Запонки блеснули под светом люстр.

К.С. Десять лет побед.

Как смешно.

Как мерзко.

Я закрыла коробочку и положила её рядом с визиткой Максима.

— Вы ошиблись, — сказала я.

Он не изменился в лице.

— В чём?

— Мою покорность нельзя оценить дороже. Её больше нет.

Максим молчал, изучая меня так внимательно, будто именно сейчас увидел не чужую жену, а человека.

— Тогда что вы хотите? — спросил он.

Я посмотрела на Кирилла.

Мой муж в этот момент повернулся в зал и наконец заметил меня рядом с Максимом Северином. Его улыбка не исчезла, нет. Кирилл был слишком опытен для такой ошибки. Но глаза стали другими.

Жёсткими.

Собственническими.

Испуганными.

Не за меня. За контроль.

И вот тогда я поняла, что впервые за вечер ему стало по-настоящему неприятно.

Я взяла визитку Максима со столика.

— Для начала, — сказала я, не сводя глаз с Кирилла, — я хочу узнать, сколько на самом деле стоит моя свобода.

Максим наклонил голову.

— Меньше, чем вы думаете.

Я посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что самое дорогое вы уже сделали сами.

— Что именно?

Он перевёл взгляд туда, где Кирилл, забыв о гостях, смотрел на нас с другого конца зала.

— Перестали бояться узнать правду.

В этот момент мой телефон завибрировал в маленькой сумке.

Я достала его.

Сообщение было от Кирилла.

Всего одна строка:

«Отойди от него. Немедленно».

Я прочитала сообщение дважды. Потом медленно подняла глаза на мужа.

Он стоял под сияющей надписью с моей фамилией и ждал, что я послушаюсь.

Как всегда.

Я выключила экран, убрала телефон и повернулась к Максиму.

— Господин Северин.

— Максим, — поправил он.

Я сжала визитку в пальцах.

— Максим. У вас есть пять минут, чтобы объяснить, какую именно сделку вы предлагаете.

На его лице появилась едва заметная улыбка. Не тёплая. Не победная. Скорее признание того, что партия началась.

— Пяти минут хватит, Алиса.

За моей спиной снова зазвучали аплодисменты, но теперь они казались не концом моей прежней жизни.

А началом той, в которой я наконец перестану быть удобной.

Глава 2. Цена моей свободы

— Пяти минут хватит, Алиса.

Максим Северин сказал это так спокойно, будто речь шла не о моём браке, не о моём отце, не о компании, которую у меня уводили из-под ног, а о переносе деловой встречи на другой день.

Я хотела ответить резко. Сказать, что пять минут — слишком мало, чтобы объяснить, зачем чужому мужчине покупать мой развод. Что я не вещь, не право требования и не часть тендерной документации, которую можно забрать у конкурента, предложив лучшую цену.

Но Кирилл всё ещё смотрел на нас через зал.

И этот взгляд был убедительнее любой речи Максима.

Я знала мужа. Знала, как он улыбался, когда вокруг были люди, и как менялся его голос, стоило двери закрыться. Знала, как он умел не повышать тон и всё равно заставлять чувствовать себя виноватой. Знала его любимую манеру — не спорить с моими словами, а лишать меня права их произносить.

«Ты устала».

«Ты слишком остро реагируешь».

«Ты не понимаешь, как устроен бизнес».

«Я решу».

Сегодня он уже не казался мне сильным. Он казался человеком, который слишком долго пользовался тем, что я путала любовь с доверием, а доверие — с молчанием.

— Не здесь, — сказала я Максиму.

Он не стал уточнять почему. Просто чуть повернул голову, и рядом, словно из воздуха, появился высокий мужчина в тёмном костюме. Не охранник в грубом смысле. Скорее человек, который заранее видел все выходы из любого помещения и знал, кто за кем наблюдает.

— Восточная переговорная свободна? — спросил Максим.

— Да, — ответил тот.

— Десять минут. Никого.

— Понял.

Я посмотрела на Максима.

— У вас даже воздух подчиняется по расписанию?

— Воздух обычно дешевле, чем люди, — сказал он.

— Какая ободряющая мысль.

— Вы просили честность, не ободрение.

Он двинулся первым — не взял меня под руку, не коснулся локтя, не сделал того покровительственного жеста, которым Кирилл обычно направлял меня в нужную сторону. Просто пошёл так, чтобы я могла идти рядом, если сама выберу.

И именно это почему-то заставило меня сделать шаг.

Мы прошли вдоль стены, мимо групп гостей, которые делали вид, что не смотрят. На самом деле смотрели все. Женщины задерживали взгляды на моём лице, мужчины — на Максиме. Кто-то шепнул что-то соседу. Один фотограф опустил камеру слишком поздно: вспышка всё-таки ударила в глаза.

Максим остановился и повернул голову.

Фотограф сразу отвлёк объектив.

— Не стоит, — произнёс Северин негромко.

Всего два слова.

Ни угрозы. Ни крика. Ни лишнего движения.

Но мужчина побледнел так, будто ему только что показали договор, который он подписал не читая.

— Вы всегда так разговариваете? — спросила я, когда мы свернули в коридор.

— Как?

— Коротко. Неприятно. Эффективно.

— Когда времени мало — да.

— А когда времени много?

Он открыл передо мной дверь небольшой переговорной.

— Тогда я молчу.

Я вошла первой.

Комната была почти такой же, как та, за дверью которой десять минут назад умерла моя прежняя жизнь. Только здесь не пахло чужими духами, не звучал смех Вероники и не стоял Кирилл с лицом человека, который заранее решил, как именно меня сломать.

На столе лежали чистые листы, несколько ручек, стеклянная ваза с белыми цветами, которые казались слишком мирными для такого вечера. За широким окном отражался зал: огни, силуэты, движение, чужой праздник, к которому я больше не имела отношения.

Максим закрыл дверь.

Тихий щелчок заставил меня вздрогнуть. Я тут же разозлилась на себя за эту слабость и подняла подбородок.

— Дверь должна быть открыта, — сказала я.

Он посмотрел на меня без насмешки.

— Конечно.

И сразу открыл её на ладонь.

Простое движение. Никаких обид, никаких «вы мне не доверяете?», никаких попыток заставить меня почувствовать себя глупой.

Кирилл бы обязательно сказал что-нибудь мягкое и ядовитое. Что я драматизирую. Что веду себя странно. Что после всего, что между нами было, такие подозрения унижительны.

Максим просто оставил дверь приоткрытой.

И от этого мне стало сложнее злиться на него.

— Говорите, — сказала я. — У вас пять минут.

Он посмотрел на часы. Не демонстративно, а точно, как человек, который уважает даже неудобные условия.

— Ваш муж готовит две сделки, — начал Максим. — Первая — назначение Вероники Орловой стратегическим директором нового направления. Оно формально выглядит как расширение команды, но фактически даёт ей доступ к управлению активами, которые раньше проходили через ваш семейный блок.

— Я слышала часть разговора.

— Вы слышали витрину. Механика хуже. Вторая сделка — привлечение инвесторов в проект «Северный квартал». Для Кирилла это не просто развитие. Это способ получить независимое финансирование, вывести часть обязательств из-под старого контроля и показать совету, что он может заменить наследие вашего отца собственным капиталом.

— Вы говорите так, будто уже видели документы.

— Видел достаточно, чтобы понять: он торопится.

Я медленно подошла к столу и положила на него маленькую сумку. Пальцы дрожали, и я сцепила их, чтобы Максим не заметил.

Он заметил, конечно.

Но ничего не сказал.

— Почему? — спросила я.

— Потому что у него долги.

Слово ударило неожиданно.

Кирилл всегда выглядел как человек, у которого не может быть долгов. Дорогие костюмы, уверенная осанка, закрытые клубы, переговоры на верхних этажах, фразы вроде «мы усилим позицию» и «рынок сам придёт к нам». Он умел создавать ощущение, что деньги идут за ним потому, что иначе просто не умеют.

— Какие долги? — спросила я.

— Деловые. Личные гарантии. Обязательства перед людьми, которым неинтересны его красивые презентации. Часть он закрыл за счёт оборотных средств. Часть перекрыл новыми обещаниями. Часть собирается закрыть после сделки с инвесторами.

— Это невозможно. У нас финансовый директор...

— Ваш финансовый директор подписывает то, что ему приносят, если сверху стоит фамилия Соколов.

Я резко повернулась к нему.

— Это моя фамилия.

— Именно поэтому она ему и нужна.

В комнате стало тихо.

Из зала доносилась музыка, но приглушённо, словно кто-то накрыл весь праздник плотным стеклянным колпаком. Я смотрела на Максима и пыталась понять, где заканчивается его правда и начинается деловой расчёт.

— Допустим, — сказала я. — Допустим, Кирилл действительно использовал мою фамилию, компанию, доверие старых партнёров и всё, что осталось от отца. Зачем вам вмешиваться?

— Потому что проект «Северный квартал» построен на земле, которую Кирилл получил после сделки с моей семьёй.

Я нахмурилась.

— После сделки?

— После предательства, если говорить точнее.

Слово прозвучало сухо, но в нём впервые появилась не холодность, а что-то другое. Не боль напоказ. Скорее старая, хорошо спрятанная трещина.

— Кирилл работал с моим отцом двенадцать лет назад, — продолжил Максим. — Они готовили совместный проект. Потом ваш муж передал инвесторам изменённые условия, вывел моего отца из переговоров и забрал контракт через третьих лиц. Формально всё выглядело законно. Фактически — нет.

— Почему вы не оспорили?

— Мне было двадцать три. Отец верил в рукопожатия больше, чем в подписи. Кирилл — наоборот.

Я вспомнила слова своего отца: «Любовь — это одно. Подпись — другое».

Двое мужчин из разных семей сказали своим детям почти одно и то же.

И оба ребёнка поняли слишком поздно.

— Вы хотите мести, — сказала я.

— Да.

Опять без смягчения.

Я усмехнулась, но смех не получился.

— Вы хотя бы иногда врётё ради приличия?

— Когда это выгодно.

— А сейчас?

— Сейчас вам важнее знать, с кем вы говорите.

— И с кем же?

Максим сделал шаг к столу, но оставил между нами достаточно пространства.

— С человеком, который не станет убеждать вас, что помогает из чистой доброты. Я хочу сорвать сделку Кирилла, забрать проект, который он построил на чужом доверии, и лишиться его возможности прятаться за вашей фамилией. Но для этого мне нужна не жертва скандала. Мне нужен партнёр.

Я посмотрела на него недоверчиво.

— Партнёр?

— Временно.

— Как мило. Уже лучше, чем «актив».

— Я не считаю вас активом.

— Но хотите использовать.

— Да.

В этот раз я не выдержала.

— Вы хоть слышите себя? — Я отошла от стола и повернулась к окну. В отражении увидела своё лицо: бледное, жёсткое, почти незнакомое. — Я десять минут назад узнала, что муж женился на мне ради компании. Что любовница ждала, когда меня уберут с дороги. Что всё, что я считала семьёй, было красивой ширмой. И теперь вы стоите здесь и предлагаете мне стать частью вашей войны с ним. Простите, Максим, но это не свобода. Это просто новый владелец клетки.

Он молчал.

Я ждала ответа. Резкого. Холодного. Покровительственного. Мужчины вроде него не любили, когда их сравнивали с теми, кого они презирают.

Но Максим не стал спорить сразу.

Он подошёл к другому концу стола, взял один из чистых листов и положил перед собой. Затем достал ручку.

— Тогда давайте отделим клетку от двери, — сказал он.

— Что?

— Сделка должна быть понятной.

— Вы сейчас серьёзно собираетесь писать условия от руки?

— Да. Так быстрее.

Он написал первое слово крупно и чётко.

«Развод».

— Первое, — сказал Максим. — Я предоставляю вам юридическую команду, которая работает только в ваших интересах. Не в моих. Не в интересах моей компании. В ваших. Договор вы подписываете с ними отдельно. Оплату беру на себя, но право указаний остаётся у вас.

— Щедро.

— Практично. Если ваши юристы будут зависеть от меня, вы не поверите ни одному их слову.

Он написал второе слово.

«Контроль».

— Второе. Я выкупаю часть обязательств Кирилла у его кредиторов и блокирую давление на «Соколова Групп». Не из доброты. Это даст мне рычаги против него. Но в результате он не сможет заставить совет голосовать так, как ему нужно, только потому что всем страшно потерять финансирование.

Я невольно подалась вперёд.

— Вы можете это сделать?

— Уже делаю.

— То есть пришли сюда не просто поговорить.

— Я редко прихожу просто поговорить.

Он написал третье слово.

«Активы».

— Третье. Вы получаете аудит старых сделок, которые касаются наследственных долей и семейного блока. Если Кирилл переводил имущество, права или доходы через подконтрольные структуры, это можно остановить.

— Вы говорите так, будто он уже это сделал.

— Я говорю так, будто он не был бы собой, если бы не попытался.

Я села в кресло. Ноги вдруг стали ватными, и мне снова стало стыдно за собственную слабость. Но сейчас это было не падение. Скорее тело наконец поняло, что ему больше не нужно стоять, изображая прекрасную жену на чужом празднике.

— А что получаете вы? — спросила я.

Максим написал четвёртое слово.

«Публичность».

И я сразу поняла, что именно мне не понравится.

— Нет, — сказала я.

Он поднял взгляд.

— Я ещё не объяснил.

— Уже достаточно.

— Алиса.

Моё имя в его устах прозвучало спокойно, но не мягко. Он не уговаривал. Просто удерживал меня в разговоре.

— Я не стану вашей любовницей, — сказала я. — Не стану женщиной, которую вы выведете под камеры, чтобы доказать Кириллу, что забрали его игрушку. Не стану поводом для заголовков в стиле «жена перешла к конкуренту». Он уже сделал из меня вывеску. Вы не делаете из меня трофей.

— Я не предлагаю вам стать моей любовницей.

— Тогда что?

— Моей невестой.

Я поднялась так резко, что кресло отъехало назад и глухо ударилось о стену.

— Вы издеваетесь?

— Нет.

— У меня муж в зале.

— Именно поэтому предложение сработает.

— Вы совсем...

Я оборвала себя на полуслове. Не потому, что не нашла продолжения. Нашла. Очень точное. Просто не хотела отдавать Максиму ещё одну эмоцию, которую он мог бы рассчитать.

Он остался стоять на месте.

— Фиктивной невестой, — уточнил он.

— Ах, фиктивной. Тогда, конечно, всё сразу стало прилично.

— На три месяца.

— Вы слышите, как это звучит?

— Да.

— И вас не смущает?

— Меня смущает другое. Что ваш муж уже успел поставить вас в положение, где любой ваш шаг можно представить против вас. Если вы завтра просто подадите на развод, он скажет, что вы сорвались из-за ревности. Если вы уйдёте одна, он перекроет доступ к документам, людям и информации. Если вы появитесь рядом со мной как деловой партнёр, никто не поверит, что это не личное. Поэтому лучше сделать личное управляемым.

Я смотрела на него, не веря собственным ушам.

— Управляемым?

— Да. Мы сами зададим историю.

— Историю о том, что я, жена Кирилла, в день юбилея его компании ушла к его конкуренту?

— Нет. Историю о том, что вы больше не жена, которую можно прятать, пока её используют.

— Красиво. Почти звучит как лозунг для интервью.

— Для интервью будет короче.

— Вы невыносимы.

— Зато полезен.

Я вдруг почувствовала, что хочу рассмеяться. Не потому, что было смешно. Потому что всё происходящее стало настолько чудовищно нелепым, что разум искал хоть какую-то щель, чтобы не развалиться.

Мой муж изменил мне. Его любовница стояла на сцене моей компании. Главный конкурент мужа предлагал купить его долги и сделать меня своей фиктивной невестой. А я стояла в переговорной, всё ещё в платье, которое утром выбрал для меня Кирилл, и думала, что, возможно, это первый честный разговор за весь вечер.

— Нет, — сказала я.

Максим не выглядел удивлённым.

— Хорошо.

Я моргнула.

— Что значит хорошо?

— Значит, нет.

— И всё?

— А вы ожидали, что я запру дверь, начну давить, вспоминать вашего отца и объяснять, что вы не понимаете своего счастья?

Я сжала губы.

— Это было бы привычнее.

— Я не Кирилл.

— Пока что разница только в том, что вы честнее формулируете цену.

Он отложил ручку.

— Тогда сформулируйте свою.

— У меня нет цены.

— У свободы всегда есть цена. Вопрос не в деньгах.

— Вы говорите как человек, у которого их слишком много.

— А вы отвечаете как человек, у которого слишком долго отнимали право выбирать.

Я отвернулась.

Эти слова попали глубже, чем я хотела показать.

За приоткрытой дверью прошли люди. Слышались голоса, смех, чей-то вопрос о следующем тосте. Мир продолжал жить так, будто мой брак не рассыпался только что на полированном полу дорогого отеля.

Я посмотрела на своё отражение в окне.

— Что будет, если я откажусь? — спросила я.

— Я всё равно дам вам контакты юристов.

— Зачем?

— Потому что Кирилл мне нужен ослабленным, а не всемогущим. Ваш развод ударит по нему в любом случае.

— Даже если я не стану вашей невестой?

— Да.

— А долги?

— Часть я выкуплю независимо от вашего решения. Это моя сделка с его кредиторами, не с вами.

— А семейный актив?

— Без вашего участия вернуть контроль будет сложнее. Но я могу передать вам информацию, которую стоит показать независимым юристам.

Я медленно повернулась.

— То есть вы готовы помочь даже без фиктивной помолвки?

— В пределах того, что выгодно мне.

— Почему вы всё время добавляете это?

— Чтобы вы не перепутали меня со спасителем.

Спаситель.

Я почти ненавидела это слово. В детстве мне казалось, что отец спасает всех: сотрудников, партнёров, друзей, которые приходили к нему за советом. Потом я решила, что Кирилл спас меня от одиночества после его смерти. А теперь стояла перед Максимом Северином и понимала: самые опасные клетки часто строят те, кто сначала протягивает руку.

— Я не хочу, чтобы меня спасали, — сказала я.

— Тогда не позволяйте.

— Вы говорите так, будто это легко.

— Нет. Я говорю так, будто это возможно.

На этот раз я не нашла ответа.

Максим взял лист с условиями и повернул ко мне. Четыре слова смотрели с бумаги просто и беспощадно: развод, контроль, активы, публичность.

— Три месяца, — сказал он. — Мы объявляем, что между нами личные отношения. Не объясняем подробностей. Не даём Кириллу возможности выставить вас брошенной женой, которая цепляется за прошлое. Вы становитесь женщиной, за которой стоит не только фамилия отца, но и мой ресурс. Инвесторы Кирилла начинают сомневаться. Совет директоров перестаёт считать его единственным центром силы. Вероника теряет преимущество внезапности. А вы получаете время, юристов и доступ к документам.

— А потом?

— Потом вы свободны от меня.

— Как щедро.

— Это будет прописано.

— В контракте?

— Да.

— Конечно. Романтика мёртва, да здравствует нотариус.

Впервые его губы чуть дрогнули.

— Я не предлагал романтику.

Почему-то именно эта фраза задела сильнее, чем должна была.

— Разумеется. Вы предлагаете сделку. Все сегодня предлагают мне сделки. Кирилл — красивый развод, если я буду послушной. Вы — свободу, если я стану вашей публичной невестой. Вероника, наверное, предложила бы мне уйти с достоинством, чтобы не мешать её назначению.

— А вы что предложите себе?

Я не поняла.

— Что?

— Не мне. Не Кириллу. Не совету. Себе. Что вы предложите себе, Алиса?

Вопрос оказался неожиданно трудным.

Я могла перечислить, чего не хочу. Не хочу быть женой Кирилла. Не хочу стоять рядом с ним на сцене. Не хочу видеть Веронику в кабинете отца. Не хочу, чтобы мою фамилию использовали как печать на чужих решениях. Не хочу быть удобной.

Но чего я хочу?

Свободы?

Мести?

Правды?

Вернуть компанию?

Доказать отцу, что я не окончательно всё потеряла?

Я открыла рот, но не успела ответить.

Дверь распахнулась.

Кирилл стоял на пороге.

Он вошёл без стука, как всегда входил в любое пространство, где находилась я, будто моё личное место по умолчанию принадлежало ему.

Его взгляд скользнул по комнате: я у стола, Максим напротив, лист с четырьмя словами между нами. Кирилл не мог прочитать всё с порога, но ему хватило.

— Алиса, — сказал он мягко. — Выйди.

Не «пожалуйста».

Не «можем поговорить?».

Выйди.

Я не двинулась.

Максим тоже не сделал ни шага. Только повернул голову.

— Мы разговариваем, Соколов.

Кирилл улыбнулся ему так, как улыбаются перед камерами врагам, которых нельзя ударить при свидетелях.

— С моей женой.

— Она сама решит, с кем ей говорить.

— Ты всегда любил чужое, Максим.

Воздух в комнате стал плотнее.

Я увидела, как в лице Северина исчезло всё лишнее. Не злость. Не обида. Сосредоточенность.

— А ты всегда путал чужое с украденным, — ответил он.

Кирилл сделал шаг внутрь.

— Алиса, ты не понимаешь, во что он тебя втягивает.

Я почти усмехнулась.

— Как странно. За вечер мне уже второй мужчина объясняет, что я чего-то не понимаю.

— Не сравнивай.

— Почему? Вам обоим это невыгодно?

Его взгляд стал жёстче.

— Ты сейчас унижена, обижена и зла. Северин этим пользуется.

— А ты чем пользовался?

— Нашей семьёй.

Слово прозвучало так фальшиво, что мне стало неприятно физически. Не больно. Именно неприятно — как от прикосновения к красивой ткани, под которой прячется грязь.

— Не произноси это здесь, — сказала я.

Кирилл чуть нахмурился.

— Ты моя жена.

— Видимо, только когда тебе нужно, чтобы я вышла из комнаты по команде.

Он сжал челюсть.

Максим молчал, и это молчание было почти уважительным. Он не вмешивался. Не отбирал сцену. Не говорил за меня. Просто стоял рядом — не близко, не за спиной, не впереди.

Странное ощущение.

Впервые за вечер мужчина рядом со мной не пытался решить, какой я должна быть.

Кирилл перевёл взгляд на лист.

— Что это?

Я взяла бумагу и сложила пополам.

— Не твоё.

Он тихо рассмеялся.

— Уже научилась у него?

— Нет. У тебя.

Улыбка исчезла.

— Очень хорошо. Тогда слушай внимательно. Ты сейчас выйдешь со мной. Мы доработаем вечер без скандалов, ты поедешь домой, выспишься, а утром мы поговорим. Без зрителей и без людей, которые хотят использовать твоё состояние в своих целях.

— Моё состояние?

— Да.

— Скажи ещё, что я не в себе.

Кирилл посмотрел на Максима, потом снова на меня.

— Я скажу, что ты моя жена и я не позволю тебе разрушить то, что строилось годами.

— Моим отцом.

— Нами.

— Не смей.

Он шагнул ближе, и на этот раз Максим чуть сдвинулся. Едва заметно. Не между нами полностью, но так, чтобы Кирилл понял границу.

— Убери этот жест, Северин, — сказал Кирилл. — Она не твоя.

Я почувствовала, как внутри меня что-то щёлкнуло.

Может быть, это была последняя тонкая нить, которая ещё связывала меня с ролью жены.

Она не твоя.

Не «Алиса сама решит». Не «я люблю её». Не «я виноват».

Она не твоя.

Как будто спорили о ключах, контракте, участке земли.

Я подошла к Кириллу почти вплотную. Не потому, что больше не боялась. Боялась. Просто устала подчиняться страху.

— Я не твоя, — сказала я. — Запомни это первым.

Его лицо изменилось. На долю секунды из него выглянул настоящий Кирилл — не публичный, не выверенный, а злой и растерянный мужчина, который увидел, что привычная ручка двери больше не поворачивается.

— Ты пожалеешь, — произнёс он тихо.

— Возможно.

— Ты не представляешь, сколько всего подписала за последние годы.

Сердце ударило в грудь.

Вот теперь он попал.

Максим поднял взгляд.

— Повтори.

Кирилл словно только сейчас понял, что сказал лишнее. Его лицо снова стало гладким.

— Это семейный вопрос.

— Уже нет, — ответил Максим.

Я смотрела на мужа.

— Что я подписала, Кирилл?

— Документы компании. Как член семьи. Как доверенное лицо. Не делай вид, что ничего не помнишь.

— Какие именно документы?

— Алиса...

— Какие?

Он наклонился ко мне и сказал так тихо, чтобы слышала только я, но Максим всё равно, кажется, уловил каждое слово:

— Не начинай копать там, где потом сама не сможешь объяснить свою подпись.

Я почувствовала холод в пальцах.

Не от страха перед ним. От понимания: под моим браком лежала ещё одна ловушка. Глубже, сложнее, опаснее, чем измена.

Кирилл выпрямился.

— У тебя есть десять минут, чтобы прийти в себя. Потом я сам решу, что сказать гостям о твоём поведении.

Он повернулся к выходу.

— Кирилл, — позвала я.

Он остановился.

Я сняла обручальное кольцо.

Это оказалось труднее, чем я думала. Не из-за чувств. Из-за привычки. Кольцо несколько лет было частью моей руки, маленьким блестящим доказательством того, что я принадлежу к чему-то прочному. Теперь оно оставило на коже бледный след.

Я положила кольцо на стол.

Кирилл посмотрел на него. Потом на меня.

— Не играй в это, Алиса.

— Я не играю.

— Тогда что ты делаешь?

Я взяла лист с условиями, который написал Максим, и вложила его в сумку.

— Начинаю читать то, что подписываю.

Кирилл ничего не ответил.

Но его взгляд обещал войну.

Он вышел, не хлопнув дверью. В этом был весь Кирилл: даже ярость у него должна была выглядеть воспитанной.

Я осталась стоять с пустым пальцем и дрожащими руками.

Максим подошёл к двери и закрыл её — на этот раз не полностью, оставив ту же щель. Затем вернулся к столу.

— Вы хорошо держались, — сказал он.

— Не надо.

— Что именно?

— Делать вид, что я победила. Я понятия не имею, что он имел в виду. Какие документы, какие подписи. Я могла годами подписывать всё, что он приносил, потому что верила ему.

— Это не преступление.

— Нет. Это хуже. Это глупость.

— Нет, Алиса.

Я резко посмотрела на него.

— Не спорьте.

— Буду. Доверие к мужу — не глупость. Использовать доверие жены — выбор.

Слова были простыми. Без красивой упаковки. И почему-то именно поэтому от них защищало глаза.

Я отвернулась.

Плакать при Максиме Северине мне не хотелось. Я вообще не хотела плакать. Слёзы казались роскошью для женщин, у которых есть куда возвращаться после разрушенного вечера.

— Он сказал, что сам решит, что сказать гостям, — произнесла я. — Что он может сказать?

— Что вы плохо себя почувствовали.

Я напряглась.

Максим понял мгновенно и продолжил иначе:

— Что вы устали. Что семейная дата оказалась слишком эмоциональной. Что вы ушли раньше. Вариантов много. Все выставят вас слабой, а его — заботливым.

— И если я останусь?

— Он заставит вас улыбаться рядом с ним.

— А если уйду с вами?

— Он взорвётся внутри и улыбнётся снаружи.

— Прекрасный выбор.

— Я не обещал приятный.

Я провела ладонью по лицу, стараясь собраться.

— Мне нужно домой.

— Нет.

Я медленно опустила руку.

— Простите?

— Сейчас — нет. В вашем доме могут быть люди Кирилла, его помощники, документы, которые исчезнут до утра, и разговоры, в которых вас снова попытаются поставить на место. Вам нужно нейтральное пространство.

— Вы предлагаете мне поехать к вам?

— Я предлагаю вам поехать в мой офис. Там есть отдельная переговорная, камеры в коридорах, юристы, которые могут приехать в течение часа, и доступ к реестрам, которые стоит проверить до рассвета.

— До рассвета?

— Кирилл уже понял, что вы не послушаетесь. Теперь он начнёт действовать.

Я хотела возразить, но телефон снова завибрировал.

На экране высветилось имя: «Лена Платонова».

Лена была моей подругой ещё с университета. Единственной, кто последние годы позволял себе говорить о Кирилле не тем тоном, который мне нравился. Она не любила его. Не скрывала этого. А я защищала мужа — спокойно, благородно, глупо.

Я ответила.

— Алиса, — сказала Лена без приветствия. — Что происходит?

— Ты о чём?

— Мне только что прислали ссылку. В деловом чате уже обсуждают.

— Что обсуждают?

Максим напрягся.

Я включила громкую связь, сама не понимая зачем. Наверное, потому что больше не хотела быть единственным свидетелем собственного падения.

Лена выдохнула.

— Там короткое видео с юбилея. Кирилл представляет какую-то Веронику. А потом кадр, где ты стоишь с Северином. Подпись: «Жена главы “Соколова Групп” покинула юбилей с главным конкурентом мужа». Алиса, скажи мне, что это не так.

Я закрыла глаза.

Кирилл не стал ждать утра.

Максим тихо произнёс:

— Уже запустили.

— Кто? — спросила Лена. — Алиса, кто рядом с тобой?

— Максим Северин.

В трубке повисла такая пауза, что я почти увидела лицо подруги.

— Ого, — сказала она наконец. — Вечер перестал быть скучным.

— Лена.

— Прости. Неудачно. Ты в порядке?

Я посмотрела на кольцо, оставшееся на столе.

— Нет.

Голос подруги сразу стал другим.

— Где ты?

— В переговорной отеля.

— Уезжай оттуда. Только не одна.

Я посмотрела на Максима.

— Я как раз пытаюсь понять, с кем можно уехать, чтобы это не стало ещё одной ошибкой.

Лена молчала секунду.

— Северин слышит?

— Да.

— Тогда пусть не обижается: я проверю его до последней запятой.

Максим ответил сам:

— Это разумно.

— Ещё бы вы сказали иначе, — сухо произнесла Лена. — Алиса, скинь мне геолокацию и не подписывай ничего, пока я не увижу.

Я почти улыбнулась.

— Я уже сняла кольцо.

— Вот это можешь не отменять.

Связь оборвалась.

Я опустила телефон.

Максим смотрел на меня иначе. Не мягче. Но внимательнее.

— Хорошая подруга, — сказал он.

— Она предупреждала меня насчёт Кирилла.

— Вы не обязаны были ей верить.

— Очень щедрый вечер на оправдания моей слепоты.

— Я не оправдываю. Я уточняю, где ваша вина, а где чужая.

Мне нечего было на это ответить.

Телефон снова ожил. На этот раз пришло не сообщение, а уведомление с новостного канала. Заголовок вспыхнул на экране, и я прочитала его вслух, потому что голос почему-то стал чужим:

— «Семейный раскол в “Соколова Групп”: Алиса Соколова замечена рядом с миллиардером Максимом Севериным после назначения Вероники Орловой».

Максим протянул руку.

— Можно?

Я отдала ему телефон.

Он быстро прочитал текст, вернул мне и сказал:

— Это написано не журналистом с места.

— Почему?

— Слишком быстро, слишком точно расставлены акценты. Вас уже выставляют эмоциональным фактором риска. Меня — внешним влиянием. Веронику — деловым назначением. Кирилла — человеком, который удерживает компанию от кризиса.

— То есть он начал.

— Да.

— Что делать?

Вопрос вырвался раньше, чем я успела его остановить.

Я ненавидела себя за него. За то, что снова спрашиваю мужчину, что делать. Но Максим, к моему удивлению, не воспользовался.

— Решать вам, — сказал он. — Я могу предложить три варианта.

— Говорите.

— Первый. Вы сейчас выходите в зал одна, благодарите гостей за вечер и говорите, что покидаете мероприятие по личным обстоятельствам. Это сохранит достоинство, но не остановит Кирилла.

— Второй?

— Вы уезжаете тихо. Тогда он расскажет историю за вас.

— Третий?

— Вы выходите со мной через главный зал. Не как беглянка. Не как женщина, которую уводят. Как человек, который сам выбрал, с кем покинуть вечер.

Я посмотрела на него.

— И это будет началом вашей версии истории.

— Нашей, если вы согласитесь.

— А если нет?

— Тогда я провожу вас до машины и исчезну из кадра.

Я не верила ему полностью. Не могла. Но сейчас мне не требовалась вера. Мне требовался выбор, который не делал меня слабой в собственной истории.

Я подошла к столу, взяла своё кольцо и зажала его в ладони.

— Я не стану вашей невестой сегодня.

— Я и не предлагаю объявлять это сегодня.

— Но я выйду с вами через зал.

Максим кивнул.

— Это будет достаточно громко.

— Я знаю.

— Кирилл попытается остановить.

— Пусть попробует.

— Алиса.

Я подняла на него глаза.

— Что?

— Не путайте смелость с желанием ударить себя сильнее, лишь бы ему стало больно.

Я хотела огрызнуться. Но не смогла. Слишком точно.

— А вы не путайте осторожность с правом решать за меня, — сказала я.

Он принял это без спора.

— Договорились.

Мы вышли из переговорной вместе.

На пороге я вдруг остановилась. Максим тоже остановился, не задавая вопросов.

— Я боюсь, — сказала я тихо.

Признание далось хуже, чем снятое кольцо.

Максим посмотрел в сторону зала, где всё ещё сиял праздник Кирилла, а потом на меня.

— Это нормально.

— Только не говорите, что страх делает меня сильнее.

— Не скажу. Страх неприятен и мешает думать. Но он не обязан управлять вашими ногами.

Странно, но именно такая неромантическая фраза помогла мне вдохнуть.

Мы пошли к залу.

Я чувствовала взгляды ещё до того, как вошла. Разговоры становились тише, словно кто-то поворачивал невидимую ручку громкости. На сцене уже никого не было, гости снова рассредоточились по залу, но центр вечера сместился. Все ждали, что сделает жена хозяина праздника.

Кирилл стоял рядом с Вероникой у группы инвесторов.

Он увидел нас сразу.

Я заметила, как его пальцы сжались на ножке бокала. Вероника тоже повернулась. На её лице мелькнула тревога, но она быстро спрятала её за улыбкой.

Максим шёл рядом со мной, не касаясь.

И это было важно.

Я не хотела, чтобы меня вели. Не сегодня.

Кирилл двинулся нам навстречу, но я остановилась раньше, чем он успел подойти. Достаточно близко, чтобы он слышал. Достаточно далеко, чтобы не смог говорить только для меня.

— Алиса, — сказал он сквозь зубы, сохраняя улыбку для окружающих. — Ты совершаешь ошибку.

— Возможно.

— Не делай этого.

— Чего именно? Уйти без твоего разрешения?

Вероника тихо произнесла:

— Не устраивай сцену.

Я посмотрела на неё и впервые не почувствовала желания спорить. Она хотела моего молчания так же, как Кирилл. Только по другой причине.

— Сцену устроили вы, когда решили вывести любовницу мужа на сцену компании моего отца.

Несколько человек рядом замерли.

Кирилл побледнел, но быстро взял себя в руки.

— Алиса, осторожнее.

— Я как раз впервые осторожна.

Я повернулась к старшему партнёру отца, Сергею Михайловичу Громову. Он стоял неподалёку, держа в руке телефон, и смотрел на меня с тревогой. Этот человек знал меня с семнадцати лет. После смерти отца он несколько раз пытался поговорить со мной о компании, но Кирилл каждый раз мягко переводил разговор.

Теперь я понимала почему.

— Сергей Михайлович, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Завтра я попрошу вас о встрече. Личной. Без Кирилла.

В зале стало ещё тише.

Сергей Михайлович медленно кивнул.

— Конечно, Алиса.

Кирилл повернулся к нему.

— Сергей Михайлович, сейчас не время...

— Завтра, — повторил тот, не глядя на Кирилла. — Я буду ждать звонка.

Вот оно.

Маленькая трещина в стене.

Не победа. Даже не преимущество. Просто первый человек в этом зале ответил мне, а не моему мужу.

Я почувствовала, как внутри что-то выпрямилось.

Кирилл это тоже почувствовал.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — произнёс он тихо.

Я посмотрела на него.

— Понимаю. Начинаю развод.

Слово упало между нами без крика.

Развод.

Люди слышали. Не все, но достаточно.

Вероника перестала улыбаться.

Кирилл сделал шаг ближе, но Максим произнёс:

— Осторожно.

Одно слово.

На этот раз в нём было больше стали.

Кирилл остановился.

— Это семейное дело.

— Тогда не стоило делать его частью юбилея, — ответил Максим.

И я поняла: сейчас весь зал видит то, что Кирилл пытался скрыть. Не измену полностью, не правду о документах, не долги. Но главное — он больше не управляет сценой один.

Я повернулась и пошла к выходу.

Каждый шаг давался тяжело. Не красиво, не гордо, как это потом, возможно, опишет кто-нибудь в чужом сообщении. Я чувствовала, как дрожит спина, как стягивает плечи, как хочется обернуться и проверить, идёт ли Кирилл следом.

Но я не обернулась.

На улице воздух ударил в лицо прохладой. У входа уже стояла машина Максима — чёрная, длинная, с водителем, который открыл дверь и сразу отвёл взгляд, не делая вид, что ничего не происходит.

Я остановилась перед машиной.

— Я не еду к вам домой, — сказала я.

— Мы едем в офис, — ответил Максим. — Вы можете позвонить подруге и держать её на связи всю дорогу.

— Я так и сделаю.

— Хорошо.

Я уже собиралась сесть, когда телефон снова завибрировал.

Не Кирилл.

Не Лена.

Не новостной канал.

Неизвестный номер.

Я открыла сообщение.

В нём была фотография документа. Неровная, сделанная будто наспех. В верхней части виднелись моё имя, фамилия Кирилла и длинная юридическая формулировка, в которой я сначала ничего не поняла.

Потом взгляд зацепился за одну строку.

«...признать долю наследственного имущества, фактически вовлечённого в совместную предпринимательскую деятельность супругов, общим имуществом...»

Я перечитала.

И ещё раз.

Смысл доходил медленно, как ледяная вода под дверь.

Кирилл не просто хотел развод на своих условиях.

Он уже подал документы, чтобы признать часть моего наследства совместным имуществом.

То есть не собирался отпускать меня даже после развода.

Он собирался забрать то, что осталось от моего отца.

Максим увидел моё лицо.

— Что?

Я протянула ему телефон.

Он прочитал быстро. Слишком быстро. Потом его взгляд стал таким, что я впервые за вечер поверила: Кирилл действительно нажил себе врага.

— Откуда это пришло? — спросил он.

— Не знаю.

— Номер сохраните. Сообщение не удаляйте.

— Это правда?

Максим посмотрел на меня.

И не соврал.

— Похоже на начало иска.

Я медленно повернулась к стеклянным дверям отеля.

За ними, в сияющем холле, стоял Кирилл.

Он смотрел на меня.

Больше не улыбался.

Я сжала телефон так, что пальцы побелели, и вдруг вся боль стала простой. Острой. Чистой. В ней больше не было места вопросу, люблю ли я его ещё, была ли хоть какая-то часть нашего брака настоящей, можно ли было всё спасти.

Нельзя.

Потому что он пришёл не только за мной.

Он пришёл за памятью моего отца.

Я открыла дверь машины и села внутрь.

Максим сел рядом.

— В офис? — спросил водитель.

Я посмотрела на Северина.

Он ждал моего ответа.

Не дал команду вместо меня.

И это решило больше, чем все его условия на листе.

— В офис, — сказала я. — И вызовите юристов.

Максим чуть повернул голову.

— Вы готовы говорить о сделке?

Я посмотрела на светящийся фасад отеля, на силуэт мужа за стеклом, на сообщение в телефоне, которое перечеркнуло последние сомнения.

— Нет, — ответила я. — Я готова говорить о войне.

Машина тронулась.

А на экране телефона вспыхнуло новое сообщение от неизвестного номера:

«Если хотите узнать, что ещё он оформил на ваше имя, не доверяйте никому. Даже Северину».

Глава 3. Муж, который не отпускает

«Если хотите узнать, что ещё он оформил на ваше имя, не доверяйте никому. Даже Северину».

Я смотрела на эти слова так долго, что они перестали складываться в смысл. Остались только отдельные осколки: хотите узнать, оформил, ваше имя, не доверяйте, Северину.

Машина мягко неслась по ночному городу. За затемнёнными стёклами проплывали огни, витрины, мокрый блеск асфальта, люди у входов в рестораны, случайные такси, жизнь, которая не знала, что у меня за последний час отняли прошлое, дом и, возможно, даже мою подпись.

Максим сидел рядом. Не слишком близко, но его присутствие занимало всё пространство салона. Он не смотрел в телефон, не отдавал коротких команд, не пытался забрать у меня аппарат из рук. Просто ждал.

Это было хуже, чем давление.

Если бы он потребовал показать сообщение, я могла бы вспыхнуть. Если бы начал убеждать, что это провокация, я могла бы обвинить его во лжи. Если бы сказал: «Не обращайтесь внимания», я бы сразу поняла, что внимание как раз нужно обратить.

Но он молчал.

И давал мне самой решить, что делать с предупреждением, которое раскрыло под ногами ещё одну трещину.

— Вы прочитали? — спросила я.

— Да.

— И?

— И вы должны переслать это Лене.

Я повернула к нему голову.

— Не вам?

— Нет.

— Почему?

Максим посмотрел в окно, где отражалась его чёткая, почти неподвижная фигура.

— Потому что в сообщении написано не доверять мне.

— Удобно. Теперь вы можете сыграть в благородство.

— Могу, — спокойно сказал он. — Но это не отменяет разумности совета.

Я жала телефон.

— Вы знали, что Кирилл уже подал документы?

— Нет.

— А что он мог это сделать?

— Предполагал.

— Большая разница.

— Огромная, — согласился Максим.

Я ждала продолжения. Объяснений. Защиты. Той самой мужской уверенности, с которой обычно произносят: «Я всё контролирую». Кирилл говорил так постоянно. Особенно когда уже что-то разрушил.

Максим не сказал.

— Почему вы не предупредили меня? — спросила я.

— Я сказал вам, что он пойдёт по активам.

— Это не ответ.

— Это единственный честный ответ, который у меня есть сейчас.

Я почти рассмеялась. Сухо, без радости.

— Удобная у вас честность, Максим. Ровно до того места, где начинается ваша выгода.

Он повернулся ко мне.

— Да.

Одно слово. Снова.

Меня начинал раздражать этот его талант не спорить там, где другой мужчина уже начал бы доказывать собственную правоту.

— Вы вообще понимаете, как это звучит? — спросила я. — Мой муж оказался лжецом. Его любовница уже стоит на сцене компании моего отца. Неизвестный человек присылает мне документы и предупреждает не доверять вам. А вы сидите рядом и соглашаетесь, что ваша честность заканчивается там, где начинается выгода.

— Нет, Алиса. Моя честность как раз начинается там, где я признаю выгоду.

— И что мне с этим делать?

— Проверять каждое моё слово.

Я отвернулась.

В груди всё дрожало от усталости и злости. Больше всего я ненавидела не Кирилла, не Веронику и даже не Максима с его холодной логикой. Я ненавидела себя за то, что всё ещё искала, кому можно доверять. Как будто без этого не могла шагнуть.

Словно обязательно нужен был кто-то, кто скажет: вот он, безопасный путь.

Но безопасного пути больше не существовало.

Я переслала сообщение Лене. Затем отправила ей фотографию документа, геолокацию машины и короткую фразу: «Еду в офис Северина. Не теряй меня».

Ответ пришёл почти сразу:

«Я еду туда. Ничего не подписывай. И держи телефон при себе».

Я показала экран Максиму.

Он кивнул.

— Хорошо.

— Вы не против?

— Нет.

— Даже если она начнёт копать под вас?

— Особенно если начнёт.

— Вы очень хотите выглядеть правильным.

— Я хочу, чтобы вы не сделали выбор из страха.

Я резко посмотрела на него.

— Не надо говорить обо мне так, будто вы знаете, из чего я делаю выбор.

— Тогда скажите сами.

Я открыла рот — и не смогла.

Потому что мой выбор действительно был наполовину из страха. Из страха, что Кирилл уже оформил на моё имя что-то, чего я не понимаю. Из страха, что люди моего отца отвернутся, если завтра увидят во мне не наследницу, а женщину, устроившую публичный разрыв. Из страха, что Вероника окажется не просто любовницей, а частью плана, в котором мне давно отвели роль исчезающей фигуры.

И ещё из страха перед Максимом.

Не потому, что он был груб. Нет. Грубость проще. Её можно оттолкнуть.

Максим был опасен тем, что давал мне выбор, но заранее видел последствия лучше меня.

— Я хочу развод, — сказала я наконец.

Слова прозвучали в салоне тихо. Не как вызов. Как первая формулировка новой реальности.

— Это желание или решение? — спросил Максим.

— Какая разница?

— Желание можно переждать. Решение нужно оформлять.

Я посмотрела на пустое место на пальце, где ещё час назад было кольцо.

— Решение.

Максим достал телефон.

— Тогда сначала — безопасность документов. Потом — личный представитель. Потом — заявление.

— Вы опять всё раскладываете по пунктам.

— Так меньше шансов утонуть в эмоциях.

— А если мне сейчас нужны эмоции?

Он задержал взгляд на моём лице.

— Тогда злитесь.

Ответ был настолько неожиданным, что я не сразу нашлась.

— Что?

— Злитесь. Но не отдавайте злость Кириллу бесплатно. Пусть она работает на вас.

На этот раз я всё-таки усмехнулась.

— У вас даже злость должна быть инвестиционным инструментом?

— У хорошей злости высокая доходность.

Я отвернулась к окну, чтобы он не увидел, как уголки моих губ дрогнули. Это было неправильно — почти улыбаться в такую ночь. Но, возможно, именно неправильное и удерживало меня от того, чтобы распастись окончательно.

Офис «Северин Капитал» находился в башне из стекла и тёмного металла, которая ночью выглядела не зданием, а вертикальным разрезом города. Машина въехала на закрытую парковку, ворота опустились за нами с мягким глухим звуком.

Я напряглась.

Максим заметил.

— Можем подняться через общий вход, если так спокойнее.

— Сейчас уже поздно изображать обычный визит.

— Я не об этом.

Он снова не объяснял за меня мой страх. Просто предлагал выход.

И это злило меньше, чем должно было.

— Нет, — сказала я. — Идём так.

В лифте мы стояли молча. На зеркальных стенах отражалась женщина в серебристо-синем платье, с пустым пальцем, с телефоном в руке и лицом, которое казалось слишком взрослым для той Алисы, что утром позволила мужу застегнуть молнию на спине.

Я вдруг вспомнила это прикосновение.

Пальцы Кирилла на моей коже. Его дыхание у шеи. Его спокойное: «Ты будешь самой красивой».

Внутри поднялась волна отвращения. Не к себе. К нему.

Он мог касаться меня утром, зная, что вечером выведет другую женщину на сцену.

Лифт открылся на верхнем этаже.

Офис Максима был почти пуст. Свет горел только в длинном коридоре и в большой переговорной за стеклянной стеной. Там уже сидели двое: женщина лет сорока с короткой стрижкой и планшетом перед собой и мужчина в сером костюме, который поднялся, едва увидел нас.

— Алиса Викторовна, — сказала женщина. — Я Инна Рябинина. Семейное и имущественное право.

— Роман Власов, — представился мужчина. — Корпоративные споры, сделки, наследственные активы.

Я остановилась на пороге.

Два юриста за час после разрушенного юбилея. Стеклянная переговорная. Миллиардер рядом. Подруга в пути. Неизвестный номер в телефоне. Муж, который уже начал юридическую атаку.

Если бы вчера мне рассказали такой сюжет, я бы сказала, что это слишком много для одной женщины.

Сегодня я понимала: слишком много — это когда годами живёшь рядом с человеком, который уже всё решил за тебя.

— Кто вас вызвал? — спросила я.

— Я, — ответил Максим.

Юристы перевели взгляд на меня, но не на него. Это было мелочью, почти незаметной. Но я заметила.

Инна Рябинина сказала:

— Мы не приступим к работе, пока вы лично не подтвердите, что хотите консультацию.

— Оплачивает он?

— Да.

— Работаете на кого?

— На вас, если вы согласитесь. Не на Максима Артуровича.

Я посмотрела на Северина.

— Артурович?

— Не самое страшное, что вы сегодня обо мне узнаете, — сказал он.

Инна даже не улыбнулась. Хороший знак.

Я прошла в переговорную и села.

— Я хочу развод, — сказала я. — И хочу понять, что мой муж оформил с моими подписями.

Роман Власов открыл папку.

— Начнём с фактов. У вас есть брачный договор?

Я замерла.

— Нет. Кирилл считал, что это недоверие.

Максим ничего не сказал, но по его лицу было видно, что он оценил формулировку.

Инна кивнула.

— Доли в компании вы получали до брака или после?

— Часть до. Основной пакет перешёл мне после смерти отца. Уже в браке.

— Наследство само по себе не становится совместным имуществом автоматически, — спокойно сказала она. — Но если Кирилл пытается доказать, что наследственный актив был существенно увеличен за счёт совместной предпринимательской деятельности супругов, он будет строить линию именно вокруг вашего участия и его управления.

— То есть он может забрать компанию?

— Не сразу и не просто. Но он может создать долгий спор, давление на совет, угрозу сделкам и репутационный шум. Иногда цель не победить в суде, а заставить вторую сторону согласиться на «мирные» условия.

Мирные.

Я почти услышала голос Кирилла: «Завтра мы обсудим условия, на которых ты сможешь уйти красиво».

— Он хочет обменять развод на мою долю, — сказала я.

Роман посмотрел на Инну, потом на меня.

— Возможно. Или на управленческий контроль.

В этот момент телефон завибрировал.

Кирилл.

Его имя на экране уже не вызывало той привычной реакции, когда я машинально хотела ответить, чтобы не заставлять его ждать. Теперь оно выглядело как вызов с чужого берега.

— Включить запись разговора можно? — спросила я.

Инна кивнула.

— Включите громкую связь. Говорите спокойно. Не угрожайте. Не признавайте никаких подписей и договорённостей. Не соглашайтесь на личную встречу без представителя.

Я приняла звонок.

— Где ты? — спросил Кирилл.

Без приветствия.

В этом был весь он: если я не отвечала на его ожидания, право на обычную вежливость исчезало.

— В безопасном месте.

— Не играй словами. Где ты?

Максим стоял у стеклянной стены и смотрел в город. Ни жеста, ни подсказки. Юристы молчали. Впервые никто не тянулся руководить моим ответом.

— Кирилл, я хочу развод, — сказала я.

В трубке повисла пауза.

Потом он рассмеялся.

Не громко. Не зло. Почти ласково.

От этого смеха у меня по коже прошёл холод.

— Ты хочешь развод? — повторил он. — Алиса, ты даже не знаешь, как подать заявление без моей помощи.

Инна подняла глаза, но не вмешалась.

— Узнаю.

— У кого? У Северина? У его юристов? Ты правда думаешь, они работают ради тебя?

— Я думаю, что ты больше не имеешь права задавать мне вопросы как муж.

— Имею. Пока ты носишь мою фамилию.

Я посмотрела на пустой палец.

— Уже нет.

— Ты сняла кольцо на публику и решила, что стала свободной? Милая, свобода — это не жест. Это доступ. К счетам, документам, людям, которые берут трубку. У тебя этого нет.

В комнате стало очень тихо.

Кирилл продолжил, уже мягче:

— Давай без истерик. Ты уедешь от Северина, вернёшься домой, мы спокойно поговорим. Я не хочу тебя ломать, Алиса.

Я услышала в этой фразе то, чего раньше не слышала бы.

Не «я не сломаю».

«Я не хочу».

Как будто возможность уже лежала у него в руке.

— Но можешь? — спросила я.

— Не вынуждай меня.

Максим медленно повернул голову.

— Чем именно я тебя вынуждаю?

— Тем, что ведёшь себя как женщина, которая забыла, сколько я для неё сделал.

— Ты женился на мне ради компании.

— Я женился на тебе, потому что ты была одна, растеряна и не понимала, что делать после смерти отца.

Слова ударили неожиданно.

Не потому, что были правдой. Потому что в них была часть правды, вывернутая грязной стороной.

Да, я была одна. Да, я растерялась. Да, Кирилл вошёл в мою жизнь в момент, когда всё внутри ещё рушилось.

Он не спас меня.

Он дождался, когда я не смогу отличить опору от захвата.

— Не произноси моего отца, — сказала я.

— Вот видишь? Ты не готова к серьёзному разговору. Любое слово — и ты срываешься.

Роман что-то записал в блокнот.

— Я готова к разводу.

— Нет. Ты готова к красивой сцене перед Северином. Развод — это другое. Это вопросы, которые ты не выдержишь. Это документы, где стоит твоя подпись. Это счета, которые блокируют, если начнётся спор. Это совет директоров, который не станет рисковать компанией из-за твоей обиды. Это люди, которые сегодня улыбались тебе, а завтра перестанут отвечать на звонки.

— Ты им уже позвонил?

— Я умею работать быстро.

Я закрыла глаза на секунду.

Вот и всё.

Он уже начал отрезать меня от мира, который должен был быть моим.

— Ты не отпускаешь меня не потому, что любишь, — сказала я. — А потому что без меня тебе дорого обойдётся то, что ты сделал.

Кирилл снова рассмеялся, но теперь смех был жёстче.

— Ты говоришь словами Северина.

— Нет. Своими.

— У тебя никогда не было своих слов в бизнесе, Алиса. Были слова отца, потом мои. Не обманывай себя.

Я не сразу ответила.

Эта фраза попала туда, где было больнее всего. Не в любовь. Уже нет. В стыд. В то тайное, чего я сама боялась: вдруг он прав? Вдруг я действительно слишком долго жила чужими решениями и не успела вырастить собственный голос?

Инна Рябинина едва заметно покачала головой. Не спорить. Не оправдываться.

Я вдохнула.

— Завтра мой представитель свяжется с тобой по вопросу развода.

— У тебя нет представителя.

— Уже есть.

— Если это люди Северина, я разнесу их в первом же заседании.

Роман поднял брови.

Максим вдруг тихо произнёс:

— Старайся.

Кирилл услышал.

Пауза стала ледяной.

— Ты рядом, — сказал он. — Конечно. Алиса, ты хоть понимаешь, как это выглядит?

— Понимаю. Впервые не я выгляжу хуже всех в истории, которую ты придумал.

— Ты пожалеешь.

— Ты уже говорил.

— Значит, начни верить.

Связь оборвалась.

Я опустила телефон на стол. Пальцы онемели.

Никто сразу не заговорил. И за это я была благодарна.

Потом Инна спокойно сказала:

— Хорошо. Он подтвердил давление, ограничение доступа и намерение использовать документы с вашими подписями.

Я посмотрела на неё.

— Хорошо?

— Для работы — да. Для жизни — нет.

Странно, но такая сухая честность удерживала лучше сочувствия.

Дверь переговорной открылась без стука, и в комнату вошла Лена Платонова.

Она была в длинном бежевом пальто поверх домашнего свитера, с собранными кое-как волосами и лицом человека, который готов ругаться с любым миллиардером, если тот неправильно посмотрит на её подругу.

— Где она? — спросила Лена с порога.

— Я здесь, — сказала я.

Она дошла до меня быстрыми шагами, остановилась, оглядела с головы до ног, потом крепко обняла.

Не красиво. Не аккуратно. Так, что у меня перехватило дыхание.

И вот тогда я почти расплакалась.

Почти.

— Я знала, что он мерзавец, — сказала Лена мне в волосы. — Но не думала, что настолько организованный мерзавец.

— Спасибо за точную юридическую оценку, — сухо произнёс Роман.

Лена отпустила меня и повернулась к нему.

— А вы кто?

— Роман Власов. Представляю корпоративный блок.

— Чей?

— Пока ничей. Если Алиса Викторовна согласится — её.

Лена перевела взгляд на Максима.

— А вы, значит, человек, которому тоже нельзя доверять?

— Да.

Лена моргнула.

— Неплохо начали.

— Предпочитаю экономить время.

— Заметно. Тогда сразу: если вы используете Алису как таран против её мужа, я найду способ сделать вашу жизнь менее комфортной.

Максим посмотрел на неё с почти незаметным интересом.

— Чем занимаетесь?

— Репутационными стратегиями.

— Теперь понятно.

— Что именно?

— Почему Кирилл должен вас бояться.

Лена прищурилась.

— Он уже должен был, но Алиса мне не верила.

— Лена, — устало сказала я.

Она сразу смягчилась.

— Всё. Молчу. Почти. Что у нас?

Я показала ей сообщения. Она прочитала, затем попросила мой телефон и начала что-то проверять, не отдавая его никому. Максим не вмешивался. Это было правильно с его стороны.

Ночь распалась на документы, звонки, выписки, распечатки, электронные запросы, короткие вопросы и ещё более короткие ответы. Я узнала, что мой личный доступ к части корпоративного кабинета был изменён два дня назад под предлогом «технического обновления». Узнала, что семейный юрист, к которому я могла бы обратиться первой, уже получил от Кирилла письмо о «конфликте интересов». Узнала, что несколько старых партнёров отца не ответили на мои сообщения, хотя ещё вчера поздравляли меня с юбилеем компании.

Кирилл не шутил.

Он действительно умел работать быстро.

Под утро Инна положила передо мной черновик заявления о разводе.

Я смотрела на заголовок и не могла заставить себя взять ручку.

Не потому, что сомневалась.

Потому что рука почему-то помнила другую подпись: в ЗАГСе, рядом с Кириллом, когда я смеялась, потому что он наклонился и шепнул: «Теперь ты официально моя».

Тогда это звучало нежно.

Сегодня — как предупреждение, которое я не услышала.

— Алиса, — тихо сказала Лена. — Не спеши, если не готова.

Максим стоял у окна. Он тоже услышал, но не обернулся.

Я взяла ручку.

— Я готова.

Подпись получилась неровной.

Но моей.

Инна забрала документ, проверила дату и кивнула.

— Теперь начнётся самое неприятное. Он не примет это спокойно.

— Он уже не принял, — сказала я.

Лена держала мой телефон и вдруг помрачнела.

— Алиса.

Я сразу поняла: что-то случилось.

— Что?

Она положила телефон на стол экраном ко мне.

На странице Вероники Орловой появился новый пост. Фотография с вчерашнего юбилея: она на сцене рядом с Кириллом, свет падает так, будто вокруг них всё сияет. Подпись была короткой, почти невинной:

«Иногда прошлое не умеет отпускать. Но сильные люди выбирают будущее, даже если кому-то выгоднее устроить скандал».

Ни моего имени.

Ни прямого обвинения.

Только достаточно яда, чтобы все поняли.

Под постом уже росли комментарии.

«Видели видео с Соколовой и Севериным. Вот это поворот».

«Так кто кому изменил?»

«Похоже, жена давно готовила запасной аэродром».

«Вероника держалась достойно. А вот Алиса удивила».

«Всегда знала, что за красивыми семейными историями всё не так просто».

Я читала, и каждое слово будто ставило меня обратно в зал — под взгляды, шёпот, чужие догадки.

Лена выругалась коротко и зло.

— Она провоцирует. Очень аккуратно. Без прямых обвинений, но так, чтобы тебя сделали виноватой.

— Кирилл разрешил, — сказала я.

— Не просто разрешил. Скорее всего, это часть их линии.

Максим подошёл к столу.

— Покажите.

Лена не дала ему телефон в руки. Просто повернула экран.

Он прочитал.

— Плохо.

— Спасибо, капитан очевидность, — сказала Лена.

— Плохо не потому, что она написала. Плохо потому, что это вышло до подачи вашего заявления в информационное поле. Они готовят аудиторию к версии, где Алиса разрушила брак из-за связи со мной.

— Связи нет, — сказала я.

Максим посмотрел на меня.

— Для публики есть кадр.

— Вы же сами предложили выйти через зал.

— Да.

— И теперь это используют против меня.

— Да.

— Вы знали, что так будет?

— Знал, что попытаются. Не знал, что так быстро.

Лена скрестила руки.

— Прекрасно. Значит, у нас два мужчины, которые считают себя стратегами, и оба сделали так, что Алису сейчас рвут в комментариях.

— Лена, — сказала я.

— Нет, пусть слышит. Кирилл — потому что мерзавец. Северин — потому что решил сыграть в шахматы, не спросив, хочет ли фигура быть на доске.

Максим выслушал молча.

Потом сказал:

— Вы правы.

Лена явно приготовилась спорить дальше, но запнулась.

— Что?

— Вы правы. Я недооценил скорость реакции Орловой.

— А себя переоценили?

— Возможно.

Я посмотрела на него.

Это «возможно» почему-то прозвучало важнее извинения. Извинения часто бывают способом быстро закрыть разговор. Признание ошибки — нет.

— Что теперь? — спросила я.

Лена резко сказала:

— Никаких оправданий. Никаких слёзных постов. Никаких «я ни в чём не виновата». Это убьёт позицию.

— Согласен, — сказал Максим.

— Я не с вами разговариваю.

— Но я всё равно согласен.

Инна убрала документы в папку.

— С юридической стороны публичные заявления должны быть аккуратными. Лучше без подробностей до подачи основного пакета.

Я смотрела на экран, где Вероника улыбалась рядом с моим мужем, и вдруг поняла, что больше не хочу прятаться. Но и бежать с криком в сеть тоже не хочу.

— Я ничего не буду писать, — сказала я.

Лена кивнула.

— Правильно.

— Я скажу лично.

Все посмотрели на меня.

— Где? — спросил Максим.

Я вспомнила приглашение, которое лежало в моей почте уже две недели. Благотворительный вечер фонда моего отца. Формально Кирилл должен был выступать от лица «Соколова Групп». Раньше я сомневалась, идти ли: после смерти отца такие события давались тяжело. Но теперь выбор стал другим.

— Сегодня вечером фонд отца проводит приём, — сказала я. — Кирилл будет там. Вероника, скорее всего, тоже. Они ждут, что я исчезну, пока они объясняют всем моё поведение. Я не исчезну.

Лена медленно улыбнулась.

— Вот это уже похоже на мою девочку.

Инна нахмурилась.

— Рискованно. Любая публичная фраза может быть использована.

— Тогда я скажу только одну, — ответила я.

— Какую?

Я посмотрела на пустой палец.

— Что больше не представляю семейную позицию Кирилла Соколова и начинаю процедуру развода.

Максим молчал дольше остальных.

— Вы понимаете, что после этого он ударит сильнее?

— Он уже ударил. Просто раньше делал это за закрытыми дверями.

Лена положила ладонь мне на плечо.

— Я подготовлю формулировку. Короткую. Спокойную. Без деталей.

— Хорошо.

Максим сказал:

— Я поеду с вами.

— Нет.

Он не удивился.

— Почему?

— Потому что если вы будете рядом, они снова скажут, что я ушла к вам.

— Они уже говорят.

— Тогда не надо им помогать.

— Если я не буду рядом, Кирилл может попытаться надавить.

— Он точно попытается.

— Алиса.

Я поднялась.

За эту ночь я устала настолько, что каблуки казались частью чужой жизни. Но внутри появилась странная твёрдость. Не уверенность. Не победа. Просто тонкая опора, на которую можно было перенести вес.

— Максим, вы сказали, что не хотите быть спасителем. Тогда не будьте им.

Его взгляд стал темнее.

— Я не о спасении.

— А о чём?

— О том, что ваш муж опасен, когда теряет контроль.

— Я знаю. Я была замужем за ним.

Эта фраза повисла между нами.

Он принял её не сразу. Потом кивнул.

— Тогда я буду в зале как приглашённый гость.

— Вы приглашены?

— Теперь — да.

Лена закатила глаза.

— Миллиардеры — отдельный вид наглости.

— Не отдельный, — ответил Максим. — Просто лучше финансируемый.

Я не удержалась и коротко улыбнулась.

Он заметил.

И впервые посмотрел на меня не как на часть стратегии, не как на человека в кризисе, не как на женщину, которой нужна броня из юристов и фактов. Просто посмотрел — тепло мелькнуло на мгновение и тут же исчезло за привычной сдержанностью.

Но я успела увидеть.

И испугалась этого почти больше, чем сообщения неизвестного номера.

Благотворительный вечер начался в семь.

Я приехала с Леной. Не с Максимом.

Платье сменила на чёрное, закрытое, строгое. Никаких украшений, кроме тонких серёжек матери. Обручальное кольцо осталось в маленьком конверте у Инны Рябининой как часть личных вещей, которые позже передадут Кириллу официально. Я не хотела нести его с собой, словно доказательство боли.

Зал был меньше, чем вчерашний, но люди — те же. Партнёры отца, деловые семьи, журналисты, представители фонда. Здесь всё было ближе к памяти Виктора Соколова, и от этого мне было труднее дышать.

У входа стоял большой портрет отца.

Я остановилась перед ним.

— Пап, — сказала мысленно. — Прости, что так поздно.

Лена не торопила. Просто стояла рядом.

— Ты не обязана быть железной, — сказала она тихо.

— Я не железная.

— Знаю. Поэтому и стою рядом.

Мы вошли в зал.

Разговоры изменились почти сразу. Я видела, как люди узнают меня, как взгляды скользят к моей руке, как кто-то шепчет соседу. Вчера я была женой, которая ушла с Северином. Сегодня — женщина, от которой ждали подтверждения скандала.

Кирилл появился через десять минут.

С Вероникой.

Разумеется.

Она была в светлом платье, почти невинном, с мягкой укладкой и той самой улыбкой, которая говорила: я выше сплетен, я здесь ради дела. Кирилл держался идеально. Дорогой костюм, спокойное лицо, внимательный взгляд. Он сразу увидел меня и направился ко мне так, будто имел право.

— Алиса, — сказал он при свидетелях. — Рад, что ты пришла.

Рад.

Вот насколько легко ему давались чужие роли.

— Это фонд моего отца, — ответила я.

— Нашей семьи, — мягко поправил он.

— Нет. Моего отца.

Вероника подошла ближе.

— Алиса, я понимаю, что вчера было много эмоций. Может быть, нам всем стоит вести себя достойно?

Я посмотрела на неё.

Вчера я хотела ударить её словами. Сегодня — нет. Сегодня она казалась не победительницей, а женщиной, которая слишком старательно примеряет чужую корону, не замечая, что Кирилл уже держит в руках поводок для следующей.

— Достойно? — переспросила я. — Это когда пишут намёки в сети и ждут, что толпа додумает грязь сама?

Её улыбка стала тоньше.

— Я не называла имён.

— Конечно. Так удобнее отступать.

Кирилл шагнул ближе.

— Не надо, Алиса.

— Чего?

— Превращать вечер памяти твоего отца в очередную сцену.

— Ты очень любишь вспоминать моего отца, когда хочешь, чтобы я замолчала.

Его глаза стали жёсткими, но голос остался мягким:

— Потому что ты сама забываешь, чему он тебя учил. Репутация строится годами, а рушится одним неверным шагом.

— Тогда тебе нужно быть осторожнее.

На секунду он замолчал.

Потом наклонился ко мне так, будто хотел поправить прядь волос, но я отступила раньше.

Его рука повисла в воздухе.

Люди рядом заметили.

— Ты правда думаешь, что сможешь уйти? — сказал он тихо. — Серьёзно, Алиса? Куда? К Лене? К Северину? К тем юристам, которых тебе дали из жалости или из расчёта?

— Я уже подала документы.

Он посмотрел на меня.

И рассмеялся.

Тише, чем ночью по телефону. Но при людях.

— Ты подала документы? — произнёс он с почти нежной насмешкой. — Милая, это не заявка на смену фамилии в приглашениях. Это развод. Это счета. Доступы. Совет. Активы. Люди, которые вчера ещё называли тебя наследницей, а завтра будут спрашивать, имеешь ли ты право управлять тем, чего не понимаешь.

— Значит, ответим им.

— Кто — мы?

— Я и мои представители.

— У тебя нет представителей, которых я не смогу вывести из игры.

Лена сделала шаг вперёд.

— Хотите проверить?

Кирилл впервые посмотрел на неё без улыбки.

— Лена, не вмешивайся.

— О, Кирилл, я ждала этой фразы пять лет.

Вероника тихо сказала:

— Какой дешёвый спектакль.

Я повернулась к ней.

— Вероника, вы вчера получили сцену. Сегодня моя очередь говорить.

Ведущий как раз пригласил гостей ближе к небольшой сцене. Начиналась официальная часть. У фонда была традиция: сначала короткое выступление представителей семьи. Раньше это делал Кирилл. От моего имени. С моим согласия. С моей благодарной улыбкой из первого ряда.

Сегодня он снова направился к сцене.

И я поняла, что сейчас он повторит то же самое.

Выйдет под портретом моего отца. Скажет правильные слова. Поблагодарит партнёров. Намекнёт на трудное личное время. Представит Веронику как поддержку нового этапа. Сделает меня эмоциональной тенью на фоне своей выдержки.

Нет.

Я шагнула вперёд.

Лена тихо сказала:

— Дыши.

Я не ответила.

Кирилл уже поднялся на сцену. Взял микрофон. Улыбнулся залу.

— Друзья, для меня большая честь сегодня говорить от имени семьи Соколовых...

— Нет, — сказала я.

Не громко. Но микрофон рядом с ведущим уловил слово, и оно прокатилось по залу.

Кирилл замер.

Все повернулись ко мне.

Я подошла к сцене. Не быстро. Если бы пошла быстро, могла бы споткнуться, а я не хотела дарить никому этот кадр.

Ведущий растерянно посмотрел на Кирилла, потом на меня. Я протянула руку за микрофоном.

Он не сразу, но отдал.

В зале стало так тихо, что я услышала собственное дыхание.

Кирилл произнёс сквозь зубы:

— Алиса, не делай этого.

Я посмотрела на него.

— Я слишком долго не делала.

Потом повернулась к залу.

Лица. Сотни глаз. Старые партнёры отца. Журналисты. Супруги директоров. Люди, которые знали меня ребёнком. Люди, которые вчера уже решили, что я, возможно, сама виновата.

Я могла бы рассказать всё. Про закрытую дверь. Про Веронику. Про слова «удобная легенда». Про документы. Про наследство. Про угрозы Кирилла.

Но тогда он победил бы хотя бы в одном: снова сделал бы мою боль главным зрелищем.

Я подняла микрофон.

— Добрый вечер. Я скажу коротко. С сегодняшнего дня Кирилл Соколов больше не имеет права говорить от моего имени, от имени моего отца и от имени моей личной позиции в семейных вопросах. Я начинаю процедуру развода.

Шёпотподнялся мгновенно.

Кирилл побледнел.

Вероника стояла у первого ряда с лицом, на котором впервые не осталось ни мягкости, ни превосходства.

Я продолжила, хотя голос хотел дрогнуть:

— Фонд Виктора Соколова продолжит работу. Я лично прослежу, чтобы его имя не использовали для чужих игр. Всё остальное мои представители сообщат в установленном порядке.

Я опустила микрофон.

Это заняло меньше минуты.

Но за эту минуту я вернула себе голос, который слишком долго отдавала мужу на хранение.

Кирилл подошёл ко мне вплотную. Улыбка вернулась на его лицо, но глаза были пустыми.

— Ты только что уничтожила себя, — сказал он так тихо, что слышала почти только я.

— Нет, — ответила я. — Просто перестала прикрывать тебя.

Он взял меня за запястье.

Не сильно. Не грубо на вид. Так, будто муж имеет право остановить жену от ошибки.

Но я знала этот жест.

И люди вокруг тоже увидели.

— Отпусти, — сказала я.

— Мы выйдем и поговорим.

— Нет.

Его пальцы сжались чуть крепче.

В следующий миг рядом оказался Максим.

Я не видела, откуда он подошёл. Просто вдруг его тень легла между мной и Кириллом, а воздух снова изменился.

— Она сказала отпустить, — произнёс Северин.

Кирилл повернул голову.

— Не вмешивайся.

— Поздно.

— Это моя жена.

Максим посмотрел на его руку на моём запястье.

— Была.

Кирилл отпустил меня, но только потому, что вокруг уже начали поднимать телефоны. Он быстро понял это и сделал шаг назад, возвращая лицу выражение человека, которого вынудили участвовать в неприятной сцене.

— Ты не понимаешь, с кем связалась, Алиса, — сказал он.

Я хотела ответить сама.

Правда хотела.

Но в эту секунду мои пальцы дрожали так сильно, что я сжала их в кулак. Не от слабости. От того, как близко я снова оказалась к прежней себе — той, которую можно было взять за руку и вывести из комнаты.

Максим не тронул меня сразу. Не потащил за собой. Не закрыл собой полностью.

Он просто протянул руку ладонью вверх.

Выбор.

Опять.

Я посмотрела на эту руку.

Потом на Кирилла.

Потом на людей, которые ждали, что я сделаю.

И вложила свои пальцы в ладонь Максима.

Его рука оказалась тёплой. Крепкой. Но не сжимающей до боли. Он держал так, будто готов отпустить в ту же секунду, если я захочу.

Кирилл увидел это.

И впервые за всё время потерял лицо.

Не полностью. Не для всех. Но для меня — да.

Максим повернулся к нему.

Голос его прозвучал негромко, но зал услышал каждое слово:

— Кирилл, ты потерял жену. Просто ещё не понял, сколько это будет стоить.

И только после этой фразы я поняла: обратной дороги больше нет.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.